

---

Научная статья

УДК 398.10

DOI: 10.31007/2306-5826-2024-3-62-131-138

## К ОБРАЗОВАНИЮ МНОГОСЮЖЕТНОГО ЦИКЛА В АДЫГСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

*Адам Мухамедович Гутов*

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/000-0001-7526-3719>

© А.М. Гутов, 2024

**Аннотация.** В статье рассматриваются особенности образования нового многосюжетного эпического цикла на основе песен и сказаний, посвященных двум разным героям, носящим одну фамилию. В центре внимания прозаические нарративы, которые мобилизуются народным сознанием вокруг центральных персонажей. Устанавливается, что ядром складывающегося новообразования становятся предания, непосредственно сопровождающие песенный текст, вокруг них складываются новые повествовательные единицы, относительно самостоятельные по своей структуре, но объединяемые единым центральным персонажем. Источниками вхождения новых сказаний в цикл оказываются также адаптированные к жанровым особенностям младшего эпоса разные мотивы – из мифологических повествований, архаического эпоса, богатырской сказки. Рассмотренный в статье фактический материал позволяет установить и характер живого процесса функционирования фольклорных феноменов в их взаимодействии. Выясняется и совокупность причин того, что при существовании в фольклорном обиходе ряда разных сказаний об одном и том же герое, они все же не сложились в системно завершенное единое явление. Также делается вывод о продолжительности и особенностях продуктивного периода функционирования цикла.

**Ключевые слова:** младший эпос, архаический эпос, нарратив, циклообразование, баллада, лиро-эпика

**Для цитирования:** Гутов А.М. К образованию многосюжетного цикла в адыгском фольклоре // Вестник КБИГИ. 2024. № 3 (62). С. 131–138. DOI: 10.31007/2306-5826-2024-3-62-131-138

Scientific article

## ON THE FORMATION OF A MULTI-STORY CYCLE

*Adam M. Gutov*

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/000-0001-7526-3719>

© A.M. Gutov, 2024

**Abstract.** The article examines the features of the formation of a new multi-story epic cycle based on songs and tales dedicated to two different heroes with the same surname. The focus is on prose narratives that are mobilized by the people's consciousness around the central characters. It is established that the core of the emerging new formation is

the legends that directly accompany the song text, around which new narrative units are formed, relatively independent in their structure, but united by a single central character. The sources of the inclusion of new legends in the cycle are also different motifs adapted to the genre features of the younger epic – from mythological narratives, archaic epic, heroic tale. The factual material considered in the article allows us to establish the nature of the living process of the functioning of folklore phenomena in their interaction. It is also revealed the totality of reasons for the fact that despite the existence in folklore of a number of different legends about the same hero, they still did not develop into a systematically complete single phenomenon. A conclusion is also made about the duration and features of the productive period of the cycle's functioning.

**Keywords:** younger epic, archaic epic, narrative, cycle formation, ballad, lyric-epic

**For citation:** Gutov A.M. On the formation of a multi-plot cycle. Vestnik KBIGI = KVІNН Bulletin. 2024; 3 (62): 131–138. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2024-3-62-131-138

Шапсугский род Хьэтх / Хьатх (Хатхе) фигурирует в фольклоре адыгов двумя циклами, которые тематически довольно далеки друг от друга, – о Хатхе Кочасе и Хатхе Мухамате. Песня о Кочасе это типичная баллада, сюжетная основа которой базируется на конфликте охотника-шапсуга со своим равным хатукаевским князем. История, связанная с ней, строится на социальном конфликте. Цикл о Мухамате более сложен по содержанию, а по своему стилю он располагается как бы в граничной области между героико-эпическим и бытовым жанрами. Объединяет их, помимо фамильного имени, то обстоятельство, что по форме бытования обоих циклов – песня, сопровождаемая прозаическим нарративом, – типична для историко-героического эпоса, причем вне зависимости от некоторых возможных отклонений от традиционной тематики. При первом знакомстве с обоими явлениями представляется, что и вправду, между ними нет ничего общего кроме отмеченного выше. Оба они относятся к числу наиболее популярных. Они были зафиксированы многократно в разное время и фактически на всей территории исторического проживания адыгов. Опубликованные и хранящиеся в архивах тексты полных циклов представлены не менее чем десятками вариантов, еще больше имеется отдельных записей только песни или только предания, что также немаловажно. Только в материалах хранящихся в фонотеке ИГИ КБНЦ РАН, отмечено не менее ста записей, выполненных в течение середины и второй половины минувшего столетия в Адыгее, Краснодарском крае, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

Цикл о Хатхе Кочасе детально исследован С.Ш. Аутлевой в монографическом труде, посвященном историко-героическому эпосу адыгов [Аутлева 2018: 129–138]. Суть конфликта бытовая, что свойственно жанру баллады, да еще с акцентом на социальные противоречия: хатукаевский князь решил воспользоваться давно отвергнутым в адыгском обществе правом первой ночи и вступить в матримониальные отношения с молодой женой (в вариантах – с невестой) героя-шапсуга. Однако он не только получил достойный отпор: в отместку за это свободолюбивый охотник сам соблазнил его жену и даже сделался ее любовником [Адыгэ уэрэдыжьхэр 1979: 206–208], что и явилось причиной смертной вражды между ними. Драматическая, типичная для баллады коллизия разрешается трагически: оба – и князь, и Кочас – погибают. Поскольку песня имеет развернутый сюжет, в предании лишь более подробно повторяются в информативном стиле основные эпизоды, которые содержатся в песне; в своем сочетании эти подробности позволяют воссоздать последовательность событий.

Шапсуги и хатукаевцы – субэтнические подразделения адыгов (черкесов), они исторически занимали смежные территории и, согласно устным сообщениям, даже пользовались общими лесными массивами для охоты. Это обстоятельство может служить опорой в поисках фактической основы возникновения песни и тематически связанного с ней прозаического нарратива или нарративов. Публикации песни о Кочасе обычно сопровождаются или текстом предания, или кратким

изложением его содержания [Адыгэ уэрэдыжхэр 1979: 56–58, 184–185; Адыгэ пшынальэ 1992: 65–66, 207; МыкЮсэрэ... 1994: 128–133]. Охотничий промысел как род занятий имел наибольшее распространение в период относительно мирного периода, до начала Кавказской войны, то есть до второй половины XVIII в. или ранее. Об этом же можно судить и по другим атрибутам, устойчиво встречающимся в цикле – образу жизни мирных черкесов (охота, скотоводство, земледелие), упоминаемым предметам, образной системе.

Герой второго цикла, Мухамат, личность боле сложная, нежели Кочас. С одной стороны, он представляется как воин-наездник, с другой – как центральный персонаж предания, основа сюжета которого близка к универсальному сказочному мотиву *оклеветанная жена*, где герою достается функция введенного в заблуждение. Завязкой конфликта оказывается эпизод, неверно истолкованный золовкой и по данной причине породивший цепь негативных поступков: она сообщает своей матери неверное сведение, мать велит своему сыну немедленно изгнать невестку, неугодную ей, сын исполняет ее указание. Мухамат Хатхе, как и подобает истинному воину-наезднику, даже не пытается разобраться в деталях и не спрашивает о причине немилости к его жене, ибо слово матери имеет для сына силу закона, и ему остается только исполнить ее волю. Поэтому он, не задумываясь и не вдаваясь ни в какие детали, отправляет безвинную жену восвояси.

Однако через некоторое время его товарищи случайно подслушивают песню-сетование, которую поет как бы про себя, а никак не для третьих лиц, изгнанная супруга героя. Таким образом, без всякого разбирательства, а будто само по себе, устанавливается со всей ясностью правда о невинности женщины. Так же, как слово матери имело силу закона, было незыблемым правилом и делом чести обязательное восстановление справедливости, чего бы это ни стоило. По настоянию боевых товарищей, которые первыми услышали песню и чьей воле в данном случае герой был вынужден подчиниться, его безвинная жена восстанавливается в правах, возвращается к нему в дом со всеми полагающимися церемониями, а мать и сестра признают свое жестокое заблуждение. При этом инициатива исходит формально не от самого Мухамата, ибо он как личность социально особо значимая (профессиональный воин и предводитель) не может в данном случае активно заниматься устройством собственной семейной жизни. В качестве медиаторов выступают его спутники, услышавшие пение изгнанной женщины и поэтому принимающие на себя инициативу за благополучное завершение дела. Как отмечает З.М. Налоев, песни подобного рода были изначально призваны свидетельствовать о невинности жертвы и восстанавливать справедливость. Это так называемая *очистительная песня*, ее прямое предназначение – отвести от конкретной личности несправедливые подозрения и свидетельствовать перед обществом ее невинность. Слово в таком поэтическом произведении имеет сакральное значение – по самой своей природе оно не может быть оспорено, так как призвано донести до сознания общества только правду [Налоев 1978: 70–71, 92–93]. Этот сюжет – ключевой в традиционном тандеме песни и сопровождающего ее сказания. Вхождение других нарративов, как представляется, может быть результатом «наращивания» вследствие устного бытования.

Самое раннее упоминание о песне из цикла Мухамата Хатхе – принадлежит перу Султана Хан-Гирея (первая половина XIX в.). Примечательно, что она приведена им в пример как одна из наиболее популярных среди «песен наездничества», то есть таких, которые считаются приносящими удачу и поэтому могут исполняться во время воинских походов, когда репертуар певца составляется только из произведений, призванных способствовать успеху предприятия или поднимать боевой дух воинов: «Песни наездничества (зейко-оред) должно причислить к разряду жизнеописательных песен <...>. В сем роде самые известные песни: Кайсин, весьма древняя, и *Хатх-Мгамет, сложенная в новейшие времена*» [Хан-Гирей 1974: 126–127] (курсив наш – А.Г.).

С учетом того, что С. Хан-Гирей писал свой труд в 30 годы XIX столетия, под «новейшими временами» надо понимать период не ранее конца XVIII – начала XIX вв. Отсюда логичен вывод, что вероятным временем создания песни и, следовательно, ориентировочным временем жизни самого героя может быть, скорее всего, отрезок в два-три десятилетия на рубеже XVIII и XIX вв. Косвенным подтверждением такой временной локализации может служить следующее, хотя документально не подтвержденное, обстоятельство: есть суждение, будто Мухамат Хатхе принимал участие в Отечественной войне России против Наполеона, воевал сперва под началом самого генерала Багратиона, затем в партизанском отряде Дениса Давыдова. Об этом впервые пишет Т.М. Керашев, на его утверждение ссылается составитель научного издания текстов А.А. Схалихо [МыкӀосэрэ жьуагьохэр 1994: 308].

Вопрос, почему песня-сетование на судьбу, посвященная бытовому случаю да еще исполняемая от имени женщины (хотя традиционно и мужским ансамблем), вошла в репертуар суровых наездников, причем не иначе как приносящая удачу, вполне резонен. На него невозможно найти ответа без учета специфики адыгской традиции, а также других доступных нам сведений из разных фольклорно-этнографических источников. Как мы полагаем, объяснение надо искать в том, что история героев песни и ключевого сказания завершается благополучно и к всеобщему удовольствию. Кроме того, образ самого Мухамата представляется в тексте весьма близким к облику идеального воина-наездника: согласно преданию, призванному пояснить содержание песни, он бесстрашно («не ища броду») переправляется через бурную реку, нигде не отступает от неписаного кодекса чести профессионального воина-наездника, безупречно возглавляет свою компанию воинов. А история с его супругой есть не что иное, как часть его бытия, преподносимая именно в эпическом стиле. Кроме того, он, как и подобает идеальному рыцарю, безропотно исполняет указание своей матери, а узнавши правду о невольном совершенном жестоком обхождении с женой, находит в себе мужество признать несправедливость своего поступка и решительно исправить оплошность. Свою роль играет и то, что отношения между супругами затрагивают интересы не только лично мужа и жены, но и фамильных кланов, дорожащих своим положением и авторитетом. Это придает инциденту социальную значимость.

Если данный герой – реальная историческая личность, что более всего вероятно, то он гораздо младше Кочаса, своего однофамильца из другого цикла, они даже не могли быть современниками, что не всегда учитывается устной традицией, у которой свои законы и своя логика.

Как известно, наиболее типичным способом формирования цикла адыгского историко-героического эпоса является относительно устойчивый тандем из песни и сопровождающего его предания, чаще всего – односюжетного. Исключения из данного правила нечасты, и к подобным редким случаям относятся рассматриваемые циклы о Кочасе и о Мухамате Хатхе, хотя и здесь подавляющее число записей соответствует стандартной схеме – песня и предание, в котором излагается суть коллизии, а также и ее разрешение. В этом ключе строится повествование в первой по времени публикации предания, «Хабар о Магомете Хатхове», в академическом издании «Кабардинский фольклор» 1936 года [Кабардинский фольклор 1936: 339–342]. Однако уже в названной книге ремарка к тексту песни вносит разночтение тем, что причиной возникновения песни-сетования указывается не изгнание жены, а таинственное исчезновение героя [Там же: 388].

Есть несколько записей более позднего времени, заслуживающих полного доверия относительно аутентичности и также позволяющих отнести данный цикл в разряд «многосюжетных». В их ряду наибольший интерес представляют материалы из научного издания «Адыгэ хьыбархэр» – *Адыгские сказания*, подготовленного М.И. Мижаевым [Адыгэ хьыбархэр 1986: 67–84]. Всего в книге представлено шесть записей сказаний о Хатхе (это наиболее внушительное число публикаций

вариантов обоих данных произведений), из них четыре с контаминацией сюжетов. Кроме того, три сказания носят явные признаки богатырской сказки или же реминисценции с сюжетом из архаического нартского эпоса. То и другое свидетельствуют не только о диффузии жанров, но также и о тяготении к созданию полнзначного многосюжетного цикла, что, как мы заметили выше, довольно редко встречается в произведениях младшего эпоса адыгов.

Обычно подобного рода явления выстраиваются в соответствии с «эпической биографией» героя – от изложения истории его происхождения до повествования о смерти. При подаче материала составитель сборника тоже придерживается такого принципа: вперед он ставит сказание «Хьэтх и кьуэм и цӀэр кьызытекӀар» – *Происхождение имени Хатхова сына*, запись односюжетного сказания о рождении героя [Адыгэ хьыбархэр: 67–68]. Заметим, что выражение типа «Хьэтх и кьуэ» (*Хатхов сын*), когда имя отца подменяется фамильным, широко употребительно в речевом обиходе современных адыгов и так же часто встречается в фольклорных текстах как прием возвышенного стиля. Кстати, ни в одной записи нет прямого указания отчества ни первого, ни второго героя, и это при очевидности того, что «Хьэтх» имя явно фамильное, а не личное и до настоящего времени функционирующее.

Событийной основой сюжета данного сказания явился мотив турецкого нашествия с угоном пленных. В их среде оказалась беременная женщина, которая в пути родила мальчика. Чтобы враги не убили новорожденного, несчастная мать вынуждена была оставить его, полагаясь на милость судьбы (одна из разновидностей универсального эпического мотива *удаления младенца – будущего героя*). Его находят наездники, выехавшие преследовать врагов, и отдают своему бездетному предводителю по имени Мухамат. Тот дает мальчику свое имя, а фамилией становится название местности, где он был обнаружен, «Хьэтхыбг» – *Хатхова гора*. Так герой получил имя и фамилию – *Мухамат, сын Хатха, т.е. сын горы*.

Как известно, мотив удаления новорожденного – один из древнейших в мифологии и в фольклоре народов мира. Существуют разные суждения относительно его истоков, но поскольку исследователи не приходят к единому мнению, можно полагать, и причины его появления могут быть разными. В мифологических нарративах, героическом эпосе и сказках формы его конкретной объективации самые разные. Так в известном древнегреческом сюжете о царе Эдипе это тщетная попытка царя предотвратить предначертанную свыше судьбу. В адыгской сказке «царь» (=князь, хан, знатное лицо) хочет таким образом предотвратить нежелательный для него брак дочери с простолудином [фонотека ИГИ]. В цикле о Батразе из адыгского нартского эпоса кормилица бросает младенца в реку (символика воды, реки, моря) без объяснения мотива [Нарт хьыбархэр 1945: 67]. В сказании историко-героического эпоса об Андемиркане мать, разрешившаяся во время плавания на корабле, в страхе, что ее вместе с сыном убьют, запечатывает новорожденного в короб и опускает в море (воду) [Адыгские...2019: 81]. В рассматриваемом цикле, который возник значительно позднее, мотивировка оставления младенца претерпевает свои трансформации. С одной стороны, архаический мотив, возникший в древнейшие времена, используется по-прежнему, с другой – своей формой объективации он уже адаптирован к системе представлений нового времени и новых обстоятельств. Подобным образом сохраняется преемственность традиции, но при этом в фольклорный жанр инкорпорируются очевидные новации – нашествие, плен, символика дороги.

Можно признать естественным, что при выраженной тенденции к образованию «большого цикла» прежде всего к его формированию притягиваются феномены, чем-либо коррелирующие с данным сюжетом или персонажами. Здесь это, прежде всего, общее фамильное имя *Хьэтх – Хатх*. Столь же логично, что в устном обиходе имена двух героев начинают упоминаться в одном тексте, вследствие чего порою их функции сближаются и переплетаются.

Это мы видим в следующем тексте из того же названного сборника М.И. Мижаева – «Хьэтхым и къуэ Класэ» – *Хатхов сын Кясэ*. [Адыгэ хьыбархэр 1986: 68–74]. Первый фрагмент данного текста близок к предыдущему тексту, но с тем различием, что нападающие не турки, а калмыки. Так же роженица разрешается в пути и вверяет младенца воле рока, его находит бездетный наездник. Но этот наездник не только носит имя Мухамат, но и принадлежит к роду Хатхе. Он дает найденьшу свою фамилию и нарекает его именем Класэ – Кясэ. Надо заметить, что корень «клас-» имеет в западноадыгских диалектах два разных значения – *поздний, младший и любимый, возлюбленный*, и данное обстоятельство привносит разночтения. В данном случае имя можно понимать как указание на позднее появление ребенка у бездетного наездника. Иное дело, когда данный корень образует личное имя в сочетании с формантом «къуэ / къо» – *сын*: Кьоклас. Здесь вероятнее всего имя не подлинное, а своего рода вторичное, данное по функции – герой стал возлюбленным – *Клас* – у княгини, и по этой причине он и получил прозвище, которое настолько успешно прижилось, что вытеснило настоящее имя.

Следующий сюжетный ход представляет собой аккумуляцию архаического мотива быстрого роста богатыря в архаическом эпосе. Система мировосприятия позднего эпоса не позволяет трансплантировать близкую к мифологической системе форму характеристики юного богатыря, растущего «не по дням, а по часам». Поэтому описания максимально приближаются к вероятностям реального мира: проходит время, мальчик подрастает, но в то же время он, как и его архаический протогерой, затевает ссору с другим детьми, кого-то избивает, вследствие чего заслуживает реплику, по содержанию близкую к известной еще по сказанию о нарте Ашамазе: «Если ты такой сильный, что же ты не найдешь свою родную мать». За этим следует также трансплантированный из раннего эпоса эпизод с «пыткой» приемной матери и раскрытием истории его рождения. Но вместо немедленного отправления на поиски, в соответствии с более реалистическими представлениями мальчик просто принимает сказанное к сведению и дожидается поры своего возмужания, чтобы только тогда начать действовать: он вырастает, получает коня и оружие и только тогда берется за осуществление своего замысла.

Далее повествование входит в сказочную колею. Герою предстоят дальняя дорога с преодолением препятствий, тайное прибытие в ставку хана, старуха-помощница, вызволение матери из плена путем ее похищения, сражение с преследователями, возвращение домой в день, когда по нему собираются устроить поминки, превращение поминальной пищи в праздничную.

Следующая запись, помещенная в данном сборнике [Там же: 78–81], интересна тем, что сюжет контаминирован еще с одним сказочным нарративом – о том, как престарелый отец преподает урок сыну (здесь – воспитаннику, Мухамату, сыну Хатха), как настоящему наезднику подобает выбирать себе достойный круг общения [Фольклор адыгов 1979: 228–235]. После усвоенного урока герой вызволяет свою мать из крымского плена. Близка к данному варианту версия из книги «Старинные черкесские предания», подготовленной не профессиональным специалистом, но редким знатоком и собирателем фольклора А.И. Черкесовым. В его версии герой – Мухамат Хатх, контаминированы сюжеты о рождении в дороге, о драке с мальчиками и узнаванием тайны происхождения. Далее следуют поиски матери в Крыму, встреча со старухой-помощницей (явно сказочный персонаж), похищение матери во время игры в конных и пеших, благополучное возвращение. Заканчивает повествование сюжет об изгнании безвинной жены и ее последующем возвращении благодаря случайно услышанной очистительной песне [Шэрджэс 2014: 41–70]. Последний фрагмент данной публикации – запись песни о Мухамате Хатхе.

Таким образом, мы имеем полный цикл, состоящий из песни и прозаического нарратива, причем последний состоит из контаминации трех сюжетов – о рождении, о вызволении матери из плена, о возвращении безвинно оклеветанной жены. Достоинно внимания, что в тексте налицо признаки вольного пересказа, однако

каждый публикуемый в книге материал сопровождается именем информанта с краткими сведениями о нем и об обстоятельствах записи. Поэтому есть уверенность, что даже в тех случаях, когда предание дается в пересказе, это выполнено предельно близко к исходному тексту.

Рассмотренные материалы далеко не исчерпывают всего разнообразия сюжетов, которые связаны с именами двух героев из рода Хатхе. Однако их достаточно, чтобы сделать некоторые важные выводы.

Прежде всего, налицо тенденция к слиянию сказаний о разных персонажах, носящих одну фамилию, и образованию единого «большого» эпического цикла. Одним из признаков этого процесса является попытка формирования «эпической биографии» – сюжеты о рождении, детстве, первом выезде. В больших циклах далее обычно за первым сказанием о первом подвиге «нанизываются» повествования о так называемых взрослых подвигах героя – о богатырском сватовстве, о поединке с грозным противником или противниками и пр. Своего рода строительным материалом для образования большого цикла в нашем случае послужили переосмысленные в соответствии с жанром нарративы из архаического эпоса и даже богатырской и волшебной сказки. С ними в художественном плане удачно сочетаются мотивы позднего происхождения – наездничество как род занятий, борьба с иноземными завоевателями и угон пленных в чужую страну. Логическим завершением цикла призваны были стать сюжеты о последнем подвиге или истории о поре старости, затем и о гибели. Без такого обрамления совокупность сюжетов не складывается в единое целое.

В рассматриваемом случае начавшийся процесс остался незавершенным, на что имеется несколько причин, из которых можно назвать следующее как главное. Слияния образов Кочаса и Мухамата не произошло, несмотря на их формальное смешение в некоторых записях, поскольку они все же были слишком разными и по типу, и по функциям. В особенности очевидны расхождения в содержательной части песен. Однако это не стало препятствием для того, чтобы многосюжетный цикл все же начал формироваться. В нем не находится естественного сочетания образов двух героев, как это можно видеть, например, в цикле о братьях Ешаноко, где функции успешно разделены и гармонично сочетаются. Возможно, это одна из причин незавершенности начавшегося процесса.

Между тем, как можно признать, сама незавершенность является показателем того, что фольклорный феномен способен продуцировать вплоть до той поры, пока не прервется естественное функционирование каждого произведения, совокупности произведений и в целом самого жанра устной поэзии.

### Список источников и литературы

Адыгские историко-героические песни и предания 2019 – *Адыгские историко-героические песни и предания*. Т. I. Андемиркан. Нальчик: 2019. 430 с.

Адыгэ пшыналъэ 1992 – *Адыгэ пшыналъэ*. Налшык: Эльбрус, 1992. Н. 224. (Адыгские песни. Нальчик: Эльбрус, 1992. 224 с.).

Адыгэ уэрэдыжьхэр 1979 – *Адыгэ уэрэдыжьхэр*. Налшык: Эльбрус, 1979. Н. 224. (Адыгские народные песни. Нальчик: Эльбрус, 1979. 224 с.).

Адыгэ хьыбархэр 1986 – *Адыгэ хьыбархэр*. Черкесск: Ставрополь тхылт тедзапэм и Къэрэшей-Черкес отделенэ. 1986. Н. 360. (Адыгские сказания. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства. 1986.).

Аутлева 2018 – *Аутлева С.Ш.* Адыгские историко-героические песни XVI–XIX веков. С.Ш. Аутлева. Избранные труды. Нальчик: 2018. 616 с.

Кабардинский 1936 – Кабардинский фольклор. М.–Л.: Academia, 1936. 644 с.

МыкӔсэрэ... 1994 – *МыкӔсэрэ жьуагъохэр*. Адыгэ лъыхужьмэ яхьылӔгъэ орэдхэр, пшыналъэхэр, гьыбзэхэр, къэбархэр. МыкӔуапэ: МытӔгэ, 1994. (Немеркнувшие звезды. Адыгские историко-героические песни, плачи, пшинатли, предания. Майкоп: Меоты, 1994. 336 с.

Налоев 1978 – *Налоев З.М.* Из истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1978. 192 с.  
Нарт хыбархэр 1945 – *Нарт хыбархэр*. Налшык: Къэбгосиздат, 1945. 85 н. (Нартские сказания. Нальчик: Кабгосиздат, 1945. 82 с.)

Фольклор адыгов 1979 – Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX вв. Нальчик: Эльбрус, 1979. 404 с.

Фонотека – *Фонотека ИГИ КБНЦ РАН*, м. касс. № 705-ф/1.

Хан-Гирей 1974 – *Султан Хан-Гирей*. Избранные произведения. Подготовка текстов и вступ. статья Р.Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1974. 336 с.

Шэрджэс 2014 – *Шэрджэс Али*. Адэж хыбархэр. Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс республикэм и къэрал тхыль тедзапэ, 2014. (*Али Черкесов*. Старинные черкесские предания. Черкесск: Карачаево-Черкесское государственное книжное издательство, 2014. 592 с. Н 592.

## References

*Adygskie istoriko-geroicheskie pesni i predaniya* [Adyghe historical and heroic songs and legends]. T. I. Andemirkan. Nal'chik: 2019. 430 p. (In Russian and Kabardino-Circassian)

*Adyge` pshynal`e` (Adygskie pesni)* [Adyghe songs]. Nalshy`k: E`l`brus, 1992. P. 224. (In Kabardino-Circassian)

*Ady`ge` ue`re`dy`zh`xe`r (Adygskie narodny`e pesni)* [Adyghe folk songs]. Nal'chik: E`l`brus, 1979. 224 p. (In Kabardino-Circassian)

*Adyge x`ybarxer (Adygskie skazaniya)* [Adyghe legends]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva. 1986. N. 360. (In Kabardino-Circassian)

AUTLEVA S.Sh. *Adygskie istoriko-geroicheskie pesni XVI–XIX vekov* [Adyghe historical and heroic songs of the 16th–20th centuries] IN: S.Sh. Autleva. *Izbranny`e trudy`*. Nal'chik: 2018. 616 p. (In Russian)

*Kabardinskij fol`klor* [Kabardian folklore]. M.–L.: Academia, 1936. 644 p. (In Russian).

*Myklosere zhuag`oxer (Nemerknushhie zvezdy. Adygskie istoriko-geroicheskie pesni, plachi, pshinatli, predaniya)* [Unfading stars. Adyghe historical and heroic songs, scaffolds, pshchinatly, legends]. Majkop: Meoty`, 1994. 336 p. (in Adyghe)

NALOEV Z.M. *Iz istorii kul`tury` adygov* [From the history of the cult of the Circassians]. Nal'chik: E`l`brus, 1978. 192 p. (In Russian)

*Nart x`ybarxe`r (Nartskie skazaniya)* [Nart tales]. Nal'chik: Kabgosizdat, 1945. 82 p. (In Kabardino-Circassian)

*Fol`klor adygov v zapisyax i publikacijax XIX – nachala XX vv.* [Folklore of the Circassians in the records and publications of the 19 – early 20th centuries]. Nal'chik: E`l`brus, 1979. 404 p. (In Russian and Kabardino-Circassian)

Fonoteka IGI KBNCz RAN [Fonoteka Institute for Humanitarian Research KBSC RAS]. M. kass. № 705-f/1. (In Kabardino-Circassian)

SULTAN XAN-GIREJ. *Izbranny`e proizvedeniya* [Selected works]/ *Podgotovka tekstov i vstup. stat`ya R.X. Xashxozhevoj*. Nal'chik: E`l`brus, 1974. 336 p. (In Russian).

SHERDZHES ALIJ. *Ade`zh`x`y`barxe`r. (Starimny`e cherkesskie predaniya)* [Ancient Circassian legends]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe gosudarstvennoe knizhnoe izdatel'stvo, 2014. 592 p. (In Kabardino-Circassian)

## Информация об авторе

**А.М. Гутов** – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора

## Information about the author

**A.M. Gutov** – Doctor of Science (Philology), Professor, Chief Researcher of the Sector of Adyghe Folklore.

Статья поступила в редакцию 19.09.2024; одобрена после рецензирования 20.10.2024; принята к публикации 15.11.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 20.10.2024; accepted for publication 15.11.2024.